

ство и заселение дома у тай сопровождаются ритуальными действиями под руководством жреца, а предписания относительно выбора материала для постройки дома, его ориентации, определения границ усадьбы передаются из поколения в поколение. Тайский дом представляет собой сложную структуру зон, уровней, реальных и символических границ с определенными правилами поведения внутри них и перехода из одной в другую, регламентирующими поведение в доме своих и посторонних; эти правила исполнены глубокого социального смысла. Использование внутреннего пространства дома определяется символикой стран света. Представления тай о пространстве и принципах его освоения сложились на основе архаических анимистических верований, слившихся позднее с буддизмом.

Большинство затронутых на чтениях тем вызвало активное обсуждение их слушателями. Выступавшие говорили о целесообразности публикации материалов прочитанных докладов в сборниках и периодических изданиях. Расширение круга участников чтений свидетельствует о росте интереса специалистов к подобным встречам. Особенно хочется отметить, что среди них было много молодежи.

Следующие, Четвертые Маклаевские чтения, состоятся в апреле 1982 г.

Е. С. Соболева

КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ»

11—13 марта 1981 г. в Петрозаводске проходила вторая конференция¹, посвященная комплексному изучению традиционно-бытовой культуры Карелии и сопредельных с ней местностей. Конференция была организована Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР, Союзом композиторов Карелии, Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Министерством культуры Карельской АССР, Петрозаводским филиалом Ленинградской консерватории, Карельским областным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Карельским хорovým обществом.

Тематика конференции предопределила ее междисциплинарный характер, а ареал исследования — круг ее непосредственных участников. Среди них были специалисты разного профиля — этнографы, этносоциологи, этнохореографы, фольклористы-словесники и фольклористы-музыковеды, лингвисты и этнолингвисты, археологи, историки архитектуры, музеееды, искусствоведы. Наряду с петрозаводскими учеными в работе конференции приняли участие и ученые из Ленинграда, Москвы, Таллина, всего свыше 80 человек. На шести заседаниях (секций на этой конференции не было) было заслушано и обсуждено 46 докладов².

Конференцию открыл председатель президиума республиканского отделения ВООПИК Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). Он подчеркнул необходимость комплексного изучения традиционно-бытовой культуры Карелии, для чего требуется объединение усилий научной общественности, координация ее деятельности, регулярный широкий обмен информацией. При этом особое внимание Ю. А. Савватеев уделил роли ареальных исследований в решении поставленной задачи.

Общее направление конференции наметил К. В. Чистов (Ленинград) в докладе «Этнические, региональные и местные традиции», носившем установочно-теоретический характер. В нем был обобщен уже имеющийся опыт регионального изучения народной культуры; были предложены определенные толкования основных понятий и терминов — «традиция», «местная (локальная) традиция», «этническая (национальная) традиция», непосредственно связанных с тематикой конференции; поставлены проблемы соотношения этнических и локальных традиций, а также взаимодействия этнических традиций в условиях многовекового контакта между народами, населяющими данную территорию (имеются в виду русские, карелы, вепсы, финны, саамы). В докладе речь шла и о методике обнаружения и интерпретации сходства и различия форм, возникающих параллельно под влиянием общих условий, либо сблизившихся в процессе развития, или заимствованных и адаптированных и т. д. К. В. Чистов говорил о необходимости согласования конкретных методик, разрабатываемых в отдельных науках, и сопоставления результатов их применения. Отмечалась плодотворность использования количественных, системных и картографических методов исследования.

Общеметодологический характер носил и ряд других докладов, прочитанных специалистами разного профиля. К числу их относятся доклады В. А. Лапина (Ленинград), Т. В. Краснопольской (Петрозаводск), Ю. А. Савватеева, Т. А. Бернштам (Ленинград), В. П. Орфинского (Петрозаводск).

¹ Первая конференция состоялась в 1977 г. Наряду с музыковедами в ее работе принимали участие этнографы, фольклористы, лингвисты, музеееды. См. Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Тезисы докладов конференции. Петрозаводск. 10—13 апреля 1977 г., М., 1977 (ротапринт).

² См. Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии (Тезисы докладов). Петрозаводск. 11—13 марта 1981. Петрозаводск: Карелия, 1981.

Выступающие продемонстрировали различные методы изучения местных традиций в материальной и духовной культуре Карелии при интенсивном использовании полевых исследований. Так, в докладе В. А. Лапина на материалах песенного фольклора Карельского Поморья было дано определение понятий «местная традиция» и «локальный стиль», показано их соотношение по временному и территориальному параметрам. По мнению Т. В. Краснопольской, основой для выявления местных традиций музыкальной культуры Обеонежья может быть изучение причитаний и свадебных песен. Последние обладают особой стабильностью, а в причитаниях, при сохранении их жанрово-типологических черт, находят отражение следы этнических взаимодействий. Докладчики убедительно показали, что формирование местных традиций в первую очередь обусловлено историей заселения конкретной местности, а также этническими процессами, происходившими или происходящими на данной территории.

Несколько докладов было посвящено проблемам древнейшей истории Карелии. Как отметил Ю. А. Савватеев, на территории Карелии начиная с середины I тысячелетия до н. э. отчетливо прослеживается развитие двух культур: одна из них принадлежала местному (видимо, предкам саамов), другая — явно пришлому финноязычному населению. М. Г. Косменко (Петрозаводск) сообщил, что возникновение в юго-восточной Карелии поселений X—XI вв. с характерной грубой лепной глиняной посудой объясняется появлением здесь западной группы древней веси. Н. Н. Мамонтова (Петрозаводск) говорила о том, что распространение географических названий саамского происхождения на территории Карелии, Ленинградской и Архангельской областей, а также Коми АССР связано с расселением предков саамов и участием их в этногенезе карел и вепсов.

Большой интерес вызвал доклад Т. А. Бернштам «Соотношение общерусских, областных и локальных традиций в фольклоре поморов», в котором прослеживалась связь истории заселения Поморья с процессом распространения определенных групп фольклорных сюжетов. На основе выявления их ареалов и сопоставления этих ареалов друг с другом докладчице удалось обнаружить в фольклоре поморов «восточную» традицию, генетически связанную с общерусской, и «западную», истоки которой следует искать во всем северо-европейском мире.

Во многих докладах ставилась проблема соотношения и взаимодействия местных, региональных и этнических традиций (надо сказать, что в той или иной степени ее коснулись все выступавшие). В докладе В. П. Орфинского были подведены итоги многолетнего фронтального обследования историко-архитектурных памятников Карельской АССР, научно-методической базой которого послужила впервые введенная докладчиком в научный обиход единая классификационная система строительных приемов, форм и деталей деревянного зодчества и научно-вспомогательный по отношению к ней метод кодирования и записи в виде типологических формул основных характеристик обследуемых объектов. В. П. Орфинским выявлены национальные и региональные особенности деревянного зодчества Карелии, показано взаимодействие различных архитектурных тенденций на ее территории.

В ряде докладов привлекалось внимание к изучению местных традиций, характерных для народной культуры отдельных исторически сложившихся районов Карелии — Поморья, Пудожья, Заонежья, Прионежья и др.

Отдельные аспекты материальной и духовной культуры Поморья рассматривали помимо В. А. Лапина и Т. А. Бернштам еще пять выступавших. Е. Б. Резниченко (Москва) высказала предположение, что напевы свадебных причетов западной части Поморского берега являются версиями одного напева, и выяснила границы его распространения. А. П. Разумова (Петрозаводск) определила общие и специфические черты в свадебном ритуале поморских сел Колежма и Нюхча. Наряду с фольклористами местные традиции Поморья изучались искусствоведами и архитекторами. Т. А. Мошина (Петрозаводск) говорила о влиянии графики рукописных книг (в частности, поморской школы миниатюры) на традиционное прикладное искусство Русского Севера, и прежде всего Карелии. К сопоставительному анализу иконописи Поморья и Сегозерья рубежа XVII—XVIII вв. обратился В. Г. Платонов (Петрозаводск). Он обнаружил следы влияния стиля поморских икон на формирование стиля группы сегозерских икон. П. П. Медведев (Петрозаводск) изучил планировку поселений Карельского Поморья XIX — первой трети XX в., выявил наиболее распространенные здесь архитектурно-конструктивные приемы и формы деревянного зодчества.

Объектом обсуждения на конференции стала и традиционно-бытовая культура Пудожья, которая в последние годы интенсивно изучалась примерно в тех же аспектах, что и культура Поморья. По итогам этих разысканий было прочитано четыре доклада. Т. В. Краснопольская коснулась истории формирования музыкальной культуры Пудожья, охарактеризовала жанровую систему бытующего в этом районе музыкального фольклора, выявила местные песенные традиции и ареалы основных локальных стилей. В докладе В. П. Кузнецовой (Петрозаводск) были выделены и сопоставлены два локальных варианта свадебного ритуала Пудожья (водлозерский и авдеевский). Л. Н. Белоголова (Петрозаводск) охарактеризовала обнаруженные ею стилевые особенности орнамента пудожской вышивки: преобладание шва набором, своеобразное, определенной плотности цветное заполнение («ковровое покрытие»). Докладчица рассмотрела пудожскую вышивку на фоне всего орнаментального искусства Карелии. С. В. Воробьева (Петрозаводск) в докладе «Особенности планировки поселений дачи села Кижского (Заонежье), дач сел Нигижемского и Гакугского (Пудожский уезд)», основанном на картографических материалах государственного

межевания 60—70-х годов XIX в. установила, что в Заонежье преобладали строго геометризованные, а в Пудожье — более свободные планы поселений.

На конференции выяснилось, что меньше изучается Заонежье, особенно в фольклорно-этнографическом отношении. Рассмотрению отдельных традиций этого района было посвящено два доклада. Заонежские архитектурные традиции стали объектом исследования в докладе В. П. Орфинского и Т. И. Вахрамеевой (Петро- заводск). Исследовав ареалы «финского» приема ориентации печного устья и характерной обработки фасадов домов-пятystenok с асимметричными перерубами, докладчики обнаружили в архитектурных традициях русского населения Заонежья следы воздействия соответствующих карельских традиций. М. А. Витухиновская (Петро- заводск), проанализировав комплексы так называемых храмовых «небес», систематизировала их по иконографическим и стилистическим признакам.

Как показала конференция, в последние годы усилилась собирательская работа в Прионежье. Об этом свидетельствовали доклады петрозаводских ученых С. Ю. Николаевой («Местные традиции свадебных песен Прионежья»), Е. Н. Калининной («Свадебные песни села Суйсары»), С. М. Лойтер («О новых записях заговоров в селах Прионежья») и отчасти Т. И. Вахрамеевой («Планировка сельских поселений западной Карелии»).

В некоторых докладах проблемы местной традиции анализировались в масштабах всего Европейского Севера. Это прежде всего доклады лингвистов, в которых конкретные вопросы стилистики фольклора решались в неразрывной связи с историей языка (доклады петрозаводских специалистов З. К. Тарланова «Ретардация как поэтический прием русской эпической песни и ее историко-лингвистическое толкование», М. А. Коробейниковой «О стилистической функции повторяющихся предлогов в языке былин», Л. В. Савельевой «Об архаических элементах в семантической структуре русских говоров Карелии», Л. П. Михайловой «Термины подсечно-огневого земледелия в русских говорах Карелии и местных памятниках письменности»).

На конференции рассматривались также отдельные аспекты материальной и духовной культуры карел и вепсов, причем в одних случаях в масштабах всего этноса, в других — в масштабах конкретных локальных групп.

Кроме названного доклада Н. Н. Мамонтовой изучению карельской этнокультурной традиции было посвящено девять докладов петрозаводских ученых. Т. А. Коски и Т. В. Краснопольская определили ареалы трех основных видов карельских причитаний. Архаические формы севернокарельского фольклора анализировались в докладе Р. П. Ремшуевой «К вопросу о локализации карельских кумулятивных песен» и А. С. Степановой — «Специфика аллитерации в севернокарельских причитаниях». В. П. Федотова остановилась на характерных для карельского языка синтаксических конструциях и фразеологизмах. А. П. Черепанина предложила классификацию севернокарельских идиофонов в соответствии с основными параметрами характеристики народных инструментов. В. В. Мальми наметила основные этапы развития карельского танца «круга». В докладе Л. И. Капусты «О тамгообразных знаках карел» исследовалась одна из разновидностей геометрического орнамента, генетически связанная со знаками-оберегами. Изучению карельской этнокультурной традиции были посвящены также доклады Р. Ф. Никольской и Е. И. Клементьева, о которых будет сказано ниже.

Материальная и духовная культура вепсов рассматривалась в пяти докладах ученых Петрозаводска, включая упомянутый доклад М. Г. Косменко. В них выявлялось своеобразие северновепских причитаний (И. Г. Курагина), волшебных сказок (Н. Ф. Онегина), северновепской и средневепской архитектурной традиции (Е. В. Вахрамеева и С. П. Тришкова). Сравнивая элементы обеих традиций, С. П. Тришкова выявила исконные и заимствованные компоненты в вепском деревянном зодчестве. А. П. Косменко обратилась к анализу декора северновепского жилища; в частности, антропоморфные фигурки на наличниках окон интерпретируются ею как изображения домовых.

На конференции значительное внимание было уделено изучению межэтнических процессов, нашедших отражение в различных видах материальной и духовной культуры. Н. А. Крипичная, опираясь на материал преданий, говорила о месте севернорусской традиции в типологической общности традиций. В докладе Р. Ф. Никольской приводились многочисленные параллели между хозяйственной деятельностью и материальной культурой карел и саамов (речь шла преимущественно об оленеводстве, рыболовстве и охоте в конце XIX — начале XX в.). Об общих для прибалтийско-финских народов (в данном случае эстонцев, карел, води, ливов) фольклорных мотивах и сюжетах говорили М. Йоалайд (Таллин) и К. Салве (Таллин). Е. И. Клементьев (Петрозаводск) отметил, что в культурном развитии карел на современном этапе наблюдаются три переплетающиеся между собой тенденции: 1) сужение общественных функций традиционно-бытовых форм духовной культуры и активное использование их в создании профессиональных форм культуры, на основе которых складывается межэтническая, республиканская система культуры; 2) освоение карелами русской народной культуры; 3) ориентация на современные формы профессиональной культуры, не имеющей ярко выраженной национальной окраски. Т. И. Сенькина (Петрозаводск), оповываясь на материалах одного (кончезерского) куста деревень со смешанным русско-карельским населением, коснулась вопроса о способах усвоения и особенностях бытования русского фольклора в карельской среде. В. Р. Рывкин (Петрозаводск) на примере Валаамского архитектурно-ландшафтного комплекса вы-

явил взаимовлияние некоторых архитектурно-строительных традиций местного населения Карелии и выходцев из южных губерний России.

На заключительном заседании были подведены итоги определенного этапа научных разысканий в области традиционно-бытовой культуры Карелии, оценены их результаты и намечены планы совместной работы на будущее.

Закрывая конференцию, К. В. Чистов отметил, что в Карелии «сложилось несколько интенсивно работающих и вполне профессиональных исследовательских коллективов, занимающихся изучением разных сторон и аспектов традиционной народной культуры от ее генезиса (археологи, этнографы) до ее взаимоотношений с современной профессиональной культурой республики. У этих коллективов есть свои достижения, и намечились достаточно сложные методические проблемы, и, главное, весьма актуальными оказались некоторые общие вопросы, решению которых и была посвящена данная конференция».

Н. А. Криничная

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С июля по сентябрь 1981 г. продолжил работу Эскимосский отряд Северной экспедиции Института этнографии АН СССР. В состав отряда, руководимого М. А. Членовым, входили И. И. Крупник и лаборанты С. А. Богословский и Н. А. Перов. Экспедиция работала на участке побережья от бухты Провидения до бухты Лаврентия и в поселках Провидения, Сиреники, Новое Чаплино, Янракынноте, Лорино, Лаврентия, Уэлен, Уэлькаль. Программа экспедиции была достаточно широкой. Она включала продолжение исследований социальной организации азиатских эскимосов, окончание составления генеалогий, в том числе по периферийным, смешанным чукотско-эскимосским группам; изучение морского зверобойного промысла в прошлом и настоящем; сбор топонимического материала. Как всегда, одной из основных задач было исследование процесса социалистического строительства у народов Чукотки. В отличие от прошлых лет, палеоэтнографическая программа была спланирована шире, чем обычно, в связи с завершением первого этапа обработки материалов по древнеэскимосскому памятнику «Китовая аллея» на острове Ыттыгран в проливе Сенявина. Как представлялось участникам отряда, правильное понимание семантики этого памятника и его места в прошлом эскимосов Чукотки может быть достигнуто только на фоне прочих древних памятников региона. С этой целью отряд наметил провести палеоэтнографическое изучение берега Чукотского полуострова на малоисследованном участке от Сиреников на юге до бухты Лаврентия на севере. Кроме частной задачи, связанной с «Китовой аллеей», подобное исследование, по замыслу его организаторов, могло бы дать надежную основу для реконструкции конкретных путей развития древнечукотского

и древнеэскимосского обществ и динамики морского зверобойного промысла.

Полезным для выполнения программы оказалась представившаяся нам возможность работать в контакте с биологической экспедицией Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР под руководством Л. С. Богословской. Эта экспедиция, среди прочих проблем, изучала древние и современные миграции животных, в частности, морского зверя в районе Чукотского побережья. Сопоставление палеоэтнографических данных, в особенности относящихся к месторасположению древних поселков, и биологических необычайно интересно и плодотворно.

Задачи экспедиции во многом определяли ее маршрут и способы передвижения. Так как палеоэтнографическую часть можно было выполнить только с маломерного судна, отряду был придан промысловый вельбот из Ново-Чаплинского отделения совхоза «Заря коммунизма», управляемый командой из 6 охотников, жителей села Новое Чаплино. В течение месяца эти люди работали вместе с членами экспедиции в тяжелых тундровых условиях и проделали сложный морской маршрут от бухты Ромулет до бухты Лаврентия. Отметим, что плавание вельботов по такому маршруту не предпринималось на Чукотке уже более 30 лет.

Во время экспедиции проведена большая работа по фактическому завершению генеалогий основных азиатско-эскимосских племен: унгазигмит, аватмит, сирингмит, нувукахмит; интересным и весьма полезным было предпринятое в этом году исследование при генеалогическом опросе списка жителей Унгазика на 1901 г., составленного В. Г. Богоразом (список недавно был найден И. И. Крупником в